

АЗ, два, три, — стучит молоток аукционера по зеленому столу, — «кресло короля Дагоберта за шесть франков», раз, два, три — «кушетка стиля рококо за три франка, тринадцать пожарных брандспойтов — пятьдесят франков...».

Скучно аукционеру. Groшовые цены, примолкшая и грустная толпа в зале аукциона. Редко кто надбавит франк — другой на старое, пыльное платье «викторианской эпохи», на картонные рыцарские доспехи, на подделанный под мрамор камин, на все, что осталось от парижского театра Амбигю.

Театр Амбигю умер, задушенный нищетой, и трудно отделаться от впечатления, что в этом зале, как в камерке умершего бедняка, случайные свидетели смерти пускают с молотка его похоть, чтобы организовать похороны. И пока длится этот грустный торг, в театр уже пришли новые хозяева, а с ними вооруженные ломом и кирками рабочие, примеряясь, как лучше и быстрее сломать сцену, снять ряды стульев, с какой стороны начать крушить столетние стены театра.

Так умер еще один театр, один из старейших в Париже, с лучшей акустикой зала, прекрасной архитектуры, памятником эпохи Реставрации, считавшийся неотъемлемой частью парижских больших бульваров. Нельзя сказать, что его смерть прошла незамеченной в Париже. Газеты опубликовали прочувствованные некрологи, окрашенные грустью расставания с еще одним свидетелем «милого старого Парижа», посетовали на обстоятельства и огрубение нравов в эти «безжалостные к старине времена». Театральные критики и артисты подписали петицию в министерство культуры с просьбой вмешаться и «дать отсрочку роковому решению». Член Французской академии Тьерри Молнье создал «ассоциацию в защиту парижских театров».

Словом, общественность не осталась равнодушной.

Известия-приложение

чем, не помешало и министерству культуры, и компании «Сепримо», купившей театр на слом, проявить к этому голосу полное равнодушие. Деньги уплачены, да и вообще компанию не интересует, что это за здание. Она покупала земельный участок, а раз он загроможден старым театром, тем хуже для него. Придется его убрать. Ибо, по глубокому и выверенному на электронно-счетной машине убеждению компании, в этом бойком районе Парижа, на стыке бульваров Сен-Мартэн и Сен-Дени, гораздо выгоднее иметь американизированный снак-бар или на худой конец гараж, чем театр. Даже кинотеатр.

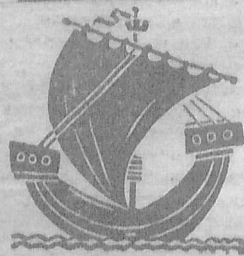
В обсуждение других сторон проблемы Амбигю компания предпочла не вступать. Раз театр не делает денег, значит, он не нужен, и компания считает своим правом делать то, что в ее интересах. Академик Молнье в свою очередь вправе возмущаться и гневно писать: «Один из лучших театров Парижа хотят уничтожить. Это будет не первое преступление против нашего национального достояния и не последнее. Но это — преступление». Обе стороны вольны спорить, но в обществе, где в конечном счете все решают деньги, в этом споре не родятся истины.

В горестном заявлении академика стоит обратить внимание на слова, что это преступление — не последнее. Амбигю действительно не одинок в своей судьбе. Первым кандидатом на исчезновение после него печатно называет парижский театр «Вьё-Колombe» — «Старую голубятню», с которым связаны страницы истории, культурной жизни французской столицы и традиции парижской театральной школы. И хотя публика еще сегодня до отказа заполняет

этот маленький театр в районе Сен-Жермен де Пре, над его дверями, по словам «Фигаро», уже висит тень замка.

Причины болезни здесь те же, что и у Амбигю: отсутствие средств, субсидий. Еженедельник «Ка р ф у р» подсчитал недавно, что из шестидесяти парижских театров лишь четыре-пять могут «сами сбалансировать свой бюджет, основываясь на доходах от продажи билетов». Что же остается делать остальным?

Решения предлагаются разные. Одни требуют, чтобы государство предоставило субсидии, другие — чтобы по крайней мере оно понизило налоги на спектакли. Во Франции и поныне налоги на театральные представления исходят из древнего так называемого «права бедных», которое было введено по требованию церкви, стремившейся тяжелыми поборами задавить «фри-

СМЕРТЬ АМБИГЮ

вольный» театр. Налоги и сборы ощутимо дают на театр и сегодня, а пока идут дискуссии, к театру, не торопясь, прицениваясь, приближается или бизнесмен с ломом в руках или «меценат» иного жанра, именуемый продюсером.

Официально деятельность театральных продюсеров во Франции не разрешается. Но они существуют и, взяв однажды под свое «покровительство» тот или иной театр, начинают диктовать в нем свои законы, отбирать пьесы и определять репертуар по своему вкусу. Искусство их не волнует, они готовы вкладывать в театр деньги при условии, что получат их еще больше. И не удивительно, что сразу три парижских театра поставили в этом сезоне помпезные, взятые словно напрокат с Бродвея, музыкально-буффонадные зрелища «а ля америкэн».

Смерть Амбигю отозвалась печальным звоном в парижском театральном мире. Выяснилось, что театру гораздо легче исчезнуть, чем выжить. «Нужно любой ценой спасти современный театр, — заявил недавно президент объединения парижских театральных директоров Дени Морэ, — вместе с ним исчезнет трамплин, который дал разбег таким авторам, как Клодель, Кокто, Ануй, Сартр, Билледу...»

Призыв пока не находит ответа, а одним театром в Париже уже стало меньше.

Л. ВОЛОДИН,
соб. корр. «Известий».

ПРИЖ. (По телефону).